РОДИНА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ

№ 20. 15-го Мая 1905 г. XXVII-й годъ изданія

Редакція, главная контора и отдѣленіе:
С.-ПЕТЕРБУРГЪ: 1) Лиговская, соб. д., № 114. 2) Садовая ул., домъ № 20.

ИЗДАНІЕ А. А. КАСПАРИ.

Отдѣленіе главной конторы „РОДИНА“:
МОСКВА: Петровскія линіи, противъ гостиницы „Россія“, магазинъ № 12.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДЪ: Безъ доставки въ С.-Петербургѣ 5 р. | Съ доставкой въ С.-Петербургѣ 5 р. 50 к. | Безъ доставки въ Москвѣ 5 р. 25 к. | Съ пересылкой по всей Россіи 6 р. | За границу 10 р.

Съ пересылкой по всей Россіи за 6 мѣсяцевъ 3 р., за 3 мѣсяца 1 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ (безъ приложен.) 50 к.

Разсрочка допускается: при подпискѣ 2 р. 1-го марта—1 р., 1-го іюня—1 р., 1-го августа—1 р. и 1-го сентября—1 р.

ЛЮБЪ-ТРАВА.

Историко-бытовой романъ
графа Е. А. Саліаса.
(Продолженіе.)

ПОСИДѢВЪ у княгини и успокоившись вполнѣ послѣ своего искренняго признанія, Анна Тихоновна, спокойная и даже почти радостная, что тяжелое бремя спало съ души, подробно разсказала княгинѣ, какъ все произошло: какъ невѣдомая женщина явилась къ ней и что разсказала про покойнаго Григорія Григорьевича, у котораго въ усадьбѣ бывала, проІерусалимъ и про всякое такое, что совсѣмъ ей не къ лицу, такъ какъ она, навѣрное, простая колдунья. Когда дѣло зашло о подробностяхъ колдовства, то на всѣ вопросы Елизаветы Петровны Анна Тихоновна стала отвѣчать нерѣшительно, стала противорѣчить и, наконецъ, вызвала замѣчаніе княгини:

— Да ты все путаешь! то одно говоришь, то другое. Стало быть, ты травку безъ памяти клала, когда говоришь, что въ ноги положила, а она въ головахъ подъ подушкой очутилась. Сказываешь, положила въ день именинъ Матвѣя Матвѣевича, у котораго я была въ гостяхъ, а я у Матвѣя Матвѣевича и не была, потому что въ тотъ день не выѣзжала. Помню хорошо, что въ этотъ день со мною уже болѣзнь приключилась, колдовство уже начало свое дѣло. Стало быть, приворотъ твой раньше уже лежалъ.

И своими вопросами княгиня заставила Анну Тихоновну совершенно запутаться.

— Не помню, ничего не помню. Знаю, что я положила, а, какъ, когда и куда, ничего не помню, — отвѣтила она.

Кончилось тѣмъ, что княгиня замотала головой и заявила:

— Охъ, бѣда какая, князя-то нѣтъ. Чую я, что все это—дѣло чудное. Онъ-бы какъ-нибудь его пояснилъ и разрѣшилъ, а я ничего не могу.

НА ПОЗИЦІИ. Оригин. рисун. Н. Григорьева; гравир. для „Родины“ И. Юревичъ.

— Заявите въ судъ, матушка, больше ничего не надо, — настаивала Завьялова.

— И этого не могу. Какъ я буду на тебя жаловаться, когда я сама, почитай, не знаю, вѣрить-ли, что ты виновата? Не рехнулась-ли ты? Тебя послушать, прямо видать, что ты путаешь. Пошли-ка ты мнѣ сегодня своего брата Антона Тихоновича, я съ нимъ поговорю.

— Нѣтъ, нѣтъ, какъ можно! — воскликнула Анна Тихоновна. — Ни за что! Зачѣмъ его посылать?

— Почему же? — удивилась княгиня.

— Нельзя, нельзя, матушка! Онъ не вѣсть что будетъ говорить вамъ. Онъ такъ-же, какъ и вы, вѣрить не хочетъ, уперся и сказываетъ свое.

— Что свое?

— А все то-же, что вы. Сказываетъ, что не я. А кому-же лучше знать? мнѣ, а не вамъ или кому другому. Я знаю, что колдовала, и знаю, что травку клала.

— Ну, сына пришли побесѣдовать объ этомъ дѣлѣ.

— И Никуши не пошлю. Вѣстимо, онъ будетъ говорить то-же, что его дяденька.

— Ну, вотъ ты и посуди, Анна Тихоновна, дѣло-то еще пуще спуталось. Какъ-же такъ? и я сама, и Антонъ Тихоновичъ, и Никуша, всѣ трое мы къ одному и тому-же пришли, что ты на себя поклепъ взводишь. Разсуди ты, кто правъ, ты одна или мы трое?

— Да, вѣдь, я-то знаю, а вы не знаете... Я-же знаю!

— Ничего ты не знаешь! — ужъ нетерпѣливо воскликнула княгиня, — все ты путаешь и поклепъ на себя взводишь; а, зачѣмъ онъ тебѣ нуженъ, Богъ тебя вѣдаетъ. Ты всегда чудная была. Ступай-ка къ себѣ, да и сиди смирно. Нечего намъ всякое нелѣпое судьямъ заявлять. Я, слава Богу, здорова, ну, и оставимъ дѣло. Пускай судьи ищутъ виноватаго, они найдутъ. Такъ-то вотъ.

Анна Тихоновна снова горько заплакала и, утеревъ лицо, выговорила:

— Господи, помилуй! что-же теперь дѣлать? какъ-же такъ? безвинные будутъ мыкаться, двое, говорятъ, померли отъ пытанія въ застѣнкѣ, а виноватый сидѣть будетъ благополучно. Не хотите, такъ я сама пойду, выдамъ себя. Узнаю, въ какой приказъ идти, и пойду, а такъ не оставлю.

Анна Тихоновна поднялась, поклонилась княгинѣ и пошла изъ комнаты.

— Стой! — воскликнула Елизавета Петровна. — Неужто ты, въ самомъ дѣлѣ, сама пойдешь себя выдавать?

— Пойду, матушка!

— Да что ты одурѣла, что-ли?

— Нѣтъ, матушка. Я виновата, сказываю я вамъ. Разумъ затемнило, видно, и вамъ, и моимъ братцу съ сыномъ, — не хотите вѣрить. А я не могу спокойно сидѣть виноватая кругомъ, когда безвинные за меня страдаютъ. Господь накажетъ меня за это, какъ я вамъ сказывала, съ Никушей что худое случится. Сегодня-же узнаю, въ какой приказъ идти, а завтра пойду и всѣмъ приказнымъ все разскажу, какъ вамъ разсказывала. Они все знаютъ и все разыскать могутъ. Я вамъ говорю, что ко мнѣ ходила невѣдомая старуха-колдунья, они ее могутъ разыскать и все дѣло наружу выйдетъ. Когда ее разыщутъ да приведутъ, она, проклятая, можетъ, сознается и скажетъ, что я правду говорю, сознается, что приворотъ колдовской мнѣ давала и что я его вамъ положила.

— Да нешто она съ тобой въ домѣ была, когда ты клала?

— Нѣтъ, со мной не была.

— Такъ она это и сказать не можетъ.

— Скажетъ, что мнѣ его дала, чтобы положить.

— Ну, хорошо, дала тебѣ, а клалъ-то кто? Клала-то не ты. — И, замѣтивъ что-то въ лицѣ Анны Тихоновны, княгиня воскликнула: — ну, вотъ такъ и вижу, такъ и есть. Получила травку ты, а клала не ты.

Анна Тихоновна стояла, не двигаясь, и молчала, какъ виноватая или приговоренная.

— Ну, скажешь, кто клалъ?

— Ни за что на свѣтѣ! — рѣшительно проговорила женщина: — и вамъ не скажу, и судьямъ не скажу. Пущай на смерть запытаютъ, никогда этого отъ меня не узнаютъ. Я травку получила, я-же въ постельку ее къ вамъ положила, и больше ничего не скажу.

Анна Тихоновна повернулась и болѣе спокойно вышла изъ комнаты княгини.

XXXIX.

Совершенно смущенная объясненіемъ съ Завьяловой, княгиня, разумѣется, тотчасъ-же вызвала къ себѣ свою любимицу. Разсказавъ ей все, княгиня Елизавета Петровна крайне удивилась тому, какъ просто Лисафа приняла невѣроятное открытіе: женщина не была удивлена, а спокойно смотрѣла барынѣ въ глаза, какъ если-бы ей объясняли что-нибудь самое обыкновенное.

— Что-же ты очумѣла, что-ли? — спросила княгиня.

— А что-же?

— Чего стоишь истуканомъ, даже не дивишься?

— Чего-же дивиться? Вамъ диковинно, а я объ этомъ давно знаю.

— Какъ знаешь?

— Да такъ знаю. Вы позапамятовали, я вамъ уже разъ докладывала, что у Анны Тихоновны бываетъ какая-то старая вѣдьма и ужъ, конечно, недаромъ. Прямо я говорить не хотѣла, а теперь скажу. Эта самая старушенція, по-моему, все и настряпала: дала Аннѣ Тихоновнѣ колдовскую траву и научила, какъ дѣйствовать. Вотъ, именно, она вамъ въ постельку и положила этотъ приворотъ.

— Вотъ то-то нѣтъ! — воскликнула княгиня. — Она созналась, что имѣла дѣло съ колдуньей и этотъ самый приворотъ, какъ она называетъ, любъ-траву, отъ нея и получила. А стала я ее допытывать, когда и какъ она мнѣ положила эту самую любъ-траву въ постель, она стала путаться. И вотъ чудится мнѣ, что все это — неправда, что она на себя поклепъ взводитъ. Получить она отъ старухи приворотъ получила, можетъ, это — и правда, а клала не она.

Лисафа, видимо, смутилась. Княгиня говорила буквально то, что сама она уже подозрѣвала, но надѣялась, что останется одна при такомъ мнѣніи или при такомъ открытіи. Оказывалось, что княгиня думаетъ то-же самое.

— Совсѣмъ не понимаю, что вы сказываете, матушка-княгиня! Совсѣмъ, извините меня, не подходящее.

— Какъ не подходящее? — воскликнула княгиня.

— Не гнѣвайтесь, а я, право, ничего и не пойму. Сама эта глупая женщина призналась, а вы, простите, колобродите. Она говоритъ, клала, а вы говорите, не клала. Кому лучше знать, ей или вамъ?

— Ничего ты не понимаешь! Она на себя поклепъ взводитъ, не хочетъ сказать, кто клалъ.

— Да почему-же этого не сказать?

— А вотъ то-то и дѣло, вотъ тутъ-то и загвоздка, не хочетъ она выдавать того, кто клалъ.

— Да кого ей выдавать, матушка? Это вы придумали.

— Охъ! нѣтъ, нѣтъ! — и, взявъ себя за голову обѣими руками, княгиня помотала головой и произнесла тише: — эхъ, князя-то нѣту, въ иныхъ дѣлахъ я все безъ него порѣшить могу, а въ другихъ дѣлахъ онъ, какъ мужчина, скорѣе меня выпутается. И нужно было ему уѣзжать! Право, думаю, не послать-ли ужъ гонца въ Питеръ, вернуть его?

— Легкое-ли дѣло, княгинюшка? Вѣдь, это — не Калуга или Звенигородъ. Гонецъ меньше десяти денъ не проѣздитъ, даже, почитай, надо класть и больше, да князю назадъ ѣхать кладите то-же самое, какъ ни спѣши, десяточекъ денъ. А до тѣхъ-то поръ что-же будетъ?

— Ничего, дѣло не спѣшное.

Послѣ наступившаго молчанія Лисафа, вздохнувъ, произнесла вдругъ:

— А съ вами худого не будетъ?

— Какъ со мной? Что ты! какое худое? съ какой радости?

— Да отъ этого колдовства самаго.

— Да, коли она созналась, такъ колдовству конецъ. Всѣ говорили, да и ты говорила, что, коли человѣкъ признался во всемъ, такъ никакой силы въ приворотѣ нѣтъ, все разсыпалось бисеромъ.

— Сказываетъ такъ народъ, матушка, да правда-ли это? Но вдругъ вамъ приключится опять что нехорошее!

— Типунъ тебѣ на языкъ! — воскликнула княгиня. — Отъ однихъ твоихъ словъ этихъ опять заболѣть можно. Дура ты, прямо дура!

— Простите! Отъ моихъ словъ ничего быть не можетъ, а я, любя васъ, сказываю, чтобы вы этого дѣла не затягивали. Мало-ли что! кто его знаетъ? А найдутъ виновную, будутъ допрашивать, признается она во всемъ, вамъ легче будетъ, опаски никакой ужъ не будетъ. А у приказныхъ она живо заговоритъ. Тутъ сказываетъ, что клала сама, а вы не вѣрите, попадетъ къ приказнымъ въ сыскъ, живо разскажетъ, когда клала и какъ клала, а то разскажетъ, кому дала, чтобы положить, и это слава Богу. Вы вотъ говорите, что она не хочетъ назвать того, кому поручила положить эту проклятую любъ-траву. Коли это — правда, что не она клала, то приказнымъ-то она сію минуту скажетъ, кому порученіе давала.

— Правда-то это, правда,—произнесла княгиня, — да жалко мнѣ ея, она хилая... что съ ней будетъ, какъ ее въ сыскъ возьмутъ?.. помереть можетъ.

— Ну, и помретъ! — почти злобно произнесла Лисафа. — И подѣломъ, и не дѣлай такихъ дѣловъ на старости лѣтъ, да еще своимъ благодѣтелямъ.

— Какъ-же такъ? Никушу такъ приходится обижать. Особливо-же теперь, когда князь хлопочетъ о немъ...

— А что-же, матушка, неужли-же вы теперь все-таки по-старому думаете Маріанну Павловну вѣнчать съ этимъ Никитой? Побойтесь Бога!

— А что-же?

— Какъ что? Христосъ съ вами! Можетъ, колдовалъ и сынъ вмѣстѣ съ ней... даже, навѣрно, колдовалъ. Можетъ, даже...— вдругъ спохватилась Лисафа,— онъ-то и клалъ этотъ приворотъ по наущенью матери. Она съ сыномъ могли васъ уморить совсѣмъ, а вы хотите еще породниться, зятемъ его назвать; это—ужъ совсѣмъ такое дѣло, что никто и не повѣритъ. Я-бы на вашемъ мѣстѣ сейчасъ въ приказъ дала знать, ихъ всѣхъ троихъ взять заразъ изъ дому, и пускай они вѣдаются съ приказными крючками, пускай ихъ разсуживаютъ, какъ слѣдуетъ.

И послѣ новаго молчанія княгиня выговорила:

— Ничего я безъ князя сдѣлать не могу, надо за нимъ послать.

— Какъ знаете. А будете дѣло оттягивать, помилуй Богъ, опять съ вами приключится что.

— Да замолчи ты, проклятая ворона! Что ты все каркаешь? Худое да худое приключится. Уходи, ты меня совсѣмъ разбередила.

Лисафа вышла, а княгиня, оставшись одна, задумалась и стала волноваться.

„Что если вдругъ и впрямь, — думалось ей, — колдовство свою силу будетъ имѣть до тѣхъ поръ, пока Анна Тихоновна не повинится окончательно? Ну, вдругъ опять худое что со мною сдѣлается?“

И княгиня снова выговорила то-же самое вслухъ самой себѣ:

— Ахъ! князя-то моего нѣту! Пошлю за нимъ, ей-Богу, пошлю, пущай пріѣзжаетъ скорѣе. Недѣли черезъ три будетъ, а до тѣхъ поръ авось, Богъ милостивъ, ничего со мной не приключится!

XL.

Между тѣмъ, Анна Тихоновна вернулась въ свою квартиру если печальная и съ заплаканными глазами, то совершенно спокойная. Волненіе и нравственныя мученія, черезъ которыя она прошла въ послѣднее время, уступили мѣсто полному умственному спокойствію.

„Призналась, — думала она, — и какъ гора съ плечъ. Все, слава Богу!“

Женщина сѣла у окошка и стала поглядывать на дворъ, чтобы увидѣть сына и брата, которыхъ ожидала съ минуты на минуту.

— Ахнутъ они, — шептала она сама себѣ, — будутъ браниться за то, что я была у княгини. Да, что дѣлать, иначе нельзя, зато теперь на душѣ спокойно. Пошлю братца Антона Тихоновича за этими самыми приказными заявить обо мнѣ. Не захочетъ, даже сама пойду. И всѣхъ-то безвинныхъ сейчасъ отпустятъ, и грѣха на моей душѣ не будетъ, и съ Никушей ничего худого приключиться не можетъ уже. А женитьба его на Маріаннѣ Павловнѣ авось не рушится, все будетъ по-старому. Меня простятъ или засудятъ, все равно, а Никушѣ все-таки можно будетъ жениться, онъ не виноватъ ни въ чемъ. И князь съ княгиней противъ него ничего имѣть не могутъ. Я одна и пропаду. А мнѣ что, лишь-бы Никуша былъ счастливъ, а мнѣ послѣ его свадьбы и слѣдъ помирать. Надоѣло горе горевать на этомъ свѣтѣ.

Задумавшись и разсуждая, Анна Тихоновна проглядѣла брата съ сыномъ, и, когда очнулась, они стояли предъ ней. Она даже вздрогнула.

— Охъ! напужали меня. Когда-же вы успѣли придти?

— На коврѣ-самолетѣ прилетѣли! — весело воскликнулъ Антонъ Тихоновичъ.

Женщина поглядѣла на него и помотала головой.

— Охъ! батюшка мой, да никакъ вы оба выпили?

— Есть грѣхъ, — усмѣхнулся Никуша, — ужъ очень батюшка угощалъ. У меня голова кругомъ идетъ, да и болитъ. А вотъ дяденька ничего, только все смѣется да меня дорогой все пальцемъ въ бокъ пырялъ.

(Продолженіе будетъ.)

ДОМА и НА ВОЙНѢ.

Разсказъ изъ гимназической жизни

Н. Н. Никитскаго

(Окончаніе.)

МИША запѣлъ. Его мягкій теноръ нѣжно зазвучалъ. Зоя Павловна вполголоса начала вторить; дуэтъ вышелъ хоть куда. Остальные молчали. Сунулся было со своей скверной фистулой Перепетуйко, но тотчасъ-же опомнился и замолчалъ.

«Ночи без-сон-нныя»...

— пѣли Миша и Зоя.

Весла мѣрно шлепали по водѣ; подъ ударами ихъ вздрагивала лодка; разсѣкаемая носомъ вода мелодично журчала и бѣжала въ стороны бѣленькими пузырьками, которые сейчасъ-же лопались.

Послѣднія ноты замерли въ воздухѣ и спрятались въ зелени лѣса.

— Теперь споемте, Михаилъ Сергѣевичъ, — сказала Зоя.— «Не шуми ты, рожь»...

— Вотъ это — славная штука,— воскликнулъ Перепетуйко.— Мишка! качай! Смерть люблю такіе чувствительные романсы,— обратился онъ къ Зоѣ, — такъ за сердце и хватаетъ, точно... въ тебя ракъ вопьется... Ну, Мазини Сергѣичъ, начинай...

Миша крякнулъ и запѣлъ, а съ нимъ и Зоя.

Такимъ образомъ, доѣхали и до мѣста, гдѣ предполагалось пить чай и носиться по едва зеленѣвшему лугу.

Лодка пристала къ какому-то обрыву; пассажирки при любезномъ содѣйствіи спутниковъ выскочили на лугъ и сейчасъ-же закричали:

— Ой, какъ сыро, господа!

— Батюшки, воды по-колѣно...

— У меня зубы и безъ того болятъ!

— Новые ботинки... Всѣ испорчу, честное слово.

Кавалеры, улыбаясь, говорили: «ничего!», и предложили постлать на лужокъ свои шинели.

Трофимовъ занялся съ самоваромъ, Перепетуйко разжегъ костеръ. Его сестры, несмотря на сырость, бросились бѣжать за незабудками, красиво синѣвшими въ далекой канавкѣ; Миша, Леля и Зоя Павловна отправились въ рощу слушать соловья и подышать свѣжимъ воздухомъ.

Почему-то случилось такъ, что при входѣ въ рощу Леля куда-то скрылась, и Миша съ Зоей остались вдвоемъ...

Сначала они молчали. Но вотъ Миша сорвалъ вѣтку березы и, подавая ее Зоѣ, сказалъ:

— Смотрите, какіе славные листочки!.. душистые, клейкіе. А какъ блестятъ!.. Вы любите весну?

— Да, это—самое любимое мною время года... А вы любите?

Миша улыбнулся и посмотрѣлъ на Зою.

— Какой нескромный вопросъ!

Зоя потупилась, понюхала вѣтку и чуть слышно сказала:

— Вольно-же вамъ такъ понимать его!

— Я весну люблю, но не такъ, какъ осень. По-моему, осень лучше, — черезъ минуту проговорилъ Миша.

— Чѣмъ-же?

— Осенью природа — полная чаша: цвѣты, плоды, ягоды. На поляхъ хлѣбъ убираютъ. Весело такъ всегда! Съ деревьевъ желтые листики катятся. Летитъ, летитъ, качается листикъ, упадетъ на непожелтѣвшій листъ и ждетъ, пока его не стряхнетъ вѣтеръ. Вы наблюдали это?

— Да... Я вообще природу люблю...

Миша улыбнулся опять и сказалъ:

— Видно, что у меня завтра русскій экзаменъ!

Зоя Павловна подняла на него глаза:

— Почему?

— Грамматику повторяю: я люблю, вы любите, любите-ли вы, онъ, она, оно любитъ...

— Такое ужъ время, — задумчиво протянула Зоя.

— И годы, — тихо добавилъ Миша. — Зоя Павловна!

— Что?

— Вы хотите имѣть мою карточку? Мнѣ сестра давеча говорила.

— Пожалуйста, дайте, если вамъ не жаль...

— Люди себя не жалѣютъ для человѣка, котораго...

Онъ остановился.

— Котораго? — повторила Зоя и посмотрѣла на Мишу.

Миша улыбнулся и сказалъ:

— Опять грамматику надо въ ходъ...

— То есть, глаголъ?

— Да.

— А какой: дѣйствительный?

— Нѣтъ, самый страдательный... Слушайте, соловей поетъ.

Они остановились и стали слушать. Соловей щелкалъ несмѣло, точно кого-то боялся, а вскорѣ и совсѣмъ умолкъ.

— Вотъ тебѣ и на! — съ разочарованіемъ воскликнулъ Миша. — Только что мы собрались его слушать, а онъ... Почему это соловья называютъ другомъ влюбленныхъ? Вы не знаете, Зоя Павловна?

— Не знаю... А вы?

— Я тоже не знаю...

Оба дружно разсмѣялись и пошли впередъ, гдѣ зеленѣла лужайка.

— Сядемъ здѣсь, — предложилъ Миша, когда они вышли изъ лѣса на лугъ.

— А не сыро будетъ? Впрочемъ, я тальмочку подложу... Готово! Садитесь, пожалуйста.

Они сѣли.

— Я вамъ карточку дамъ съ тѣмъ условіемъ, если вы мнѣ свою дадите, Зоя Павловна, — сказалъ Миша, не смотря на нее.

— Для коллекціи, должно быть?

Миша, поднявъ брови и мотнувъ головой, отвѣтилъ тономъ, въ которомъ слышалась обида:

— И не стыдно вамъ такъ думать обо мнѣ?

— Я пошутила, Михаилъ Сергѣевичъ... Простите... Ей-Богу, я не хотѣла васъ обидѣть... Ну, простите... Я больше не буду... Вы не сердитесь, нѣтъ?

— Да развѣ можно на васъ сердиться, Зоя Павловна? Вы такая славная... Леля мнѣ много про васъ говорила, — добавилъ онъ и подумалъ: «для чего я тутъ Лелю-то приплелъ?».

— Что она вамъ говорила?—тихо прошептала Зоя, опустивъ глаза и срывая подснѣжники.

— Она мнѣ говорила, что вы... Но я не вѣрю; я не стою такого счастья...

— Какого счастья?

— Что вы будто любите меня, Зоя Павловна...

— Не будто, а...

Миша порывисто повернулся къ ней и схватилъ ее за руку.

— Какая вы... милая! — Онъ крѣпко сжалъ ея руку. — И я васъ люблю, Зоя Павловна, давно ужъ люблю, съ того самаго дня, какъ я съ вами познакомился.

Счастливая улыбка скользила по ихъ лицамъ.

— Но я не смѣлъ высказать вамъ свои чувства. Думаю, будетъ смѣяться. А вчера, т. е., сегодня, Леля мнѣ сказала, что вы...

— Ну, ну, спрягайте...

— Что вы... любите меня... свѣтло такъ стало на душѣ; даже и объ экзаменахъ забылъ, ей-Богу. Можетъ быть, все это и глупо, но это такъ. Ужъ счастье-то очень велико...

— А мое, думаете, меньше... Я все время только и думаю, что о васъ. Во снѣ вижу васъ каждый день...

— Какъ? Развѣ вы и днемъ спите?

— Эдакій бѣдовый, право! Смѣйтесь, смѣйтесь! Я не умѣю говорить, я это знаю...

— Значитъ, не можетъ изъяснить языкъ?

— Ну, пускай значитъ...

— Только зачѣмъ вы меня «Мишурчикомъ» зовете?.. Ага, покраснѣли! Не безпокойтесь, все-съ знаю, все-съ... Не зовите меня «Мишурчикомъ», мнѣ это, право, не нравится. Зовите лучше меня Мишельчикъ или Мишуня, какъ мама меня зоветъ. А я васъ буду звать, если вы позволите, Зоюнчикъ...

— Позволяю, позволяю, мой хорошій... мой милый Мишуня!

— Спасибо! — онъ съ чувствомъ пожалъ ей руку. — А знаете, Зоюнчикъ, что? Давайте говорить другъ другу «ты»! Это такъ интересно: «Зоюнчикъ! ты любишь меня?» — «Да, Мишунчикъ, я люблю тебя!». Ха-ха! Правда, хорошо?

— Давайте, давайте... Только, конечно, когда мы вдвоемъ, да?

— Ну, конечно... Послушай, Зоюнчикъ, дай мнѣ, пожалуйста, твои цвѣты.

— Зачѣмъ тебѣ, Мишурчикъ... Мишуня?

— Ну, дай, голубка... Вѣдь, тебѣ ихъ не жаль?

— Конечно, нѣтъ... На, возьми! Что ты хочешь съ ними дѣлать?

— Я возьму ихъ и запою: «Разскажите вы ей, цвѣты мои!», т. е., виноватъ, они твои. Знаешь, что мнѣ пришло въ голову? Вѣдь, мы ужъ теперь до мѣстоименій добрались, склоняемъ личное второго лица...

Оба разсмѣялись. Наступила пауза. Миша посматривалъ на Зою, видимо, хотѣлъ о чемъ-то сказать и не рѣшался. Но вотъ онъ, наконецъ, собрался съ духомъ и выпалилъ:

— Давай, Зоя, поцѣлуемся!

— Что ты, Миша? Да какъ-же это можно?

— Да разъ мы любимъ другъ друга, то почему-же нельзя? По-моему, это—даже священная обязанность поцѣловаться теперь. Вспомни-ка въ романахъ, а?

— Да я покраснѣю, сгорю отъ стыда... Нѣтъ, не надо, Миша...

— Значитъ, ты меня не любишь...

— Люблю, Мишуня, люблю, только зачѣмъ-же цѣловаться?

— Да ты пойми, что надо: въ такихъ случаяхъ всегда цѣлуются... возьми любой романъ...

— Ей-Богу, мнѣ стыдно!

— Да ты зажмурься, а я и поцѣлую...

— Да не знаю ужъ... Ну, не сердись... Я зажмурилась...

НЕРАЗЛУЧНЫЕ ДРУЗЬЯ. Съ картины А. Эльслей.

Миша привлекъ ее къ себѣ и крѣпко поцѣловалъ въ губы. Зоя инстинктивно отшатнулась и опустила голову; онъ тряхнулъ головой и тихо сказалъ:

— Небось, не покраснѣла!

— А-ууу... — раздалось гдѣ-то въ лѣсу.

Оба поспѣшно вскочили.

— Насъ зовутъ, — замѣтила Зоя, отряхивая тальму отъ сора.

— Ты, смотри, Зоя, не говори никому объ этомъ, — сказалъ Миша и подалъ ей руку.

— Ну, вотъ, съ какой стати? Ты-то молчи; начнешь хвастаться предъ товарищами... Ну-съ, идемъ....

Они пошли.

— Будь спокойна, Зоечка, никому ни слова.

— А въ особенности этому Перепетуйко... Онъ такъ еще молодъ и... глупъ.

— Какъ и мы съ тобой, моя дорогая, — разсмѣялся Миша.

— Мы любимъ другъ друга, а отъ любви люди глупѣютъ.

— И молодѣютъ, — добавилъ Миша.

— И къ экзаменамъ не готовятся, — въ тонъ ему сказала Зоя. — Завтра алгебра, а я знаю столько-же, сколько семимѣсячный ребенокъ.

— А у меня-то завтра русскій... Вотъ ужъ удружу Ивану Павловичу своей работой. То есть, понимаешь, ни звука не знаю; напримѣръ, о Жуковскомъ тебѣ что извѣстно? Мнѣ такъ только одно, что онъ родился и умеръ, а больше ни полслова... Ну, да, Богъ дастъ, смажу у кого-нибудь... Вотъ вашему брату хорошо, ей-Богу...

— Чѣмъ-же?

— Да тебѣ, напримѣръ... Иванъ Павловичъ за тобой ухаживаетъ...

— Неправда, Миша!

— Ладно, ладно, неправда... Онъ тебѣ и планъ подскажетъ, и шепнетъ что-нибудь на-ушко; ты ему за это глазки сдѣлаешь или очаровательно улыбнешься. А мы, вѣдь, не будемъ улыбаться. Да и къ чему? Вонъ Перепетуйко состроилъ разъ ему глазки, а онъ и говоритъ: «Ну, и глазища-же у васъ!». Каковъ комплиментъ? А Перепетуйко, болванъ, возьми, да и брякни: «я, — говоритъ, — Иванъ Павловичъ, гимназистокъ копирую. Поставьте тройку»...

— Ну, и что-же? — улыбаясь, спросила Зоя.

— Да ужъ извѣстно что: въ карцеръ на три часа да четверку поведенія вкатили.

— А-ууу! — раздалось совсѣмъ близко.

— Здѣ-ѣсь! — выкрикнулъ Миша.

Они вышли на лужокъ и встрѣтились съ Лелей. Увидя ихъ, Леля всплеснула руками и расхохоталась:

— Батюшки! Да вы и подъ руку!

Зоя конфузливо выдернула руку и виновато улыбнулась. Миша посмотрѣлъ на сестру и серьезно-шутливымъ тономъ замѣтилъ:

— Боже Великій! какое преступленіе!

— Ну-съ, идемъ чай пить, — подскакивая къ Зоѣ и беря ее подъ руку, протрещала Леля и побѣжала съ ней къ берегу.

Миша зашагалъ сзади.

Чай уже былъ готовъ, но не разлитъ, и Зоя принялась за хозяйство.

— Вамъ, Михаилъ Сергѣичъ, какой чай: крѣпкій или жидкій? — обратилась она къ Мишѣ съ лукавою улыбкой.

— Мнѣ одной водицы, Зоя Павловна, — дѣлая удареніе на имени, отвѣчалъ Миша.

— Боится цвѣтъ лица испортить, — сказалъ Перепетуйко, подсаживаясь къ компаніи.

Вскорѣ подошли остальные. Трофимовъ подложилъ хвороста въ костеръ, который весело затрещалъ, выбрасывая снопы искръ.

За чаемъ болтали объ экзаменахъ, подтрунивали надъ учителями, почему-то назвали Андрея Ивановича Калхасомъ, разсказывали смѣшные и несмѣшные анекдоты, подразнивали Зою Павловну, что она влюблена въ законоучителя... Однимъ словомъ, веселью и смѣху не было конца.

Въ 8 часовъ компанія отвалила обратно. Миша пробовалъ пѣть, но никто, даже Зоя, его не поддержали. Черезъ часъ лодка подъѣхала къ пристани, былъ учиненъ расчетъ съ лодочникомъ и путешественники отправились по домамъ. Такъ какъ Струйскимъ и Зоѣ было по дорогѣ, то они проводили ее до дому и, пожелавъ спокойной ночи, разстались. Миша крѣпко-прекрѣпко пожалъ ея руку и успѣлъ-таки шепнуть:

— Прощай, дуся... Завтра въ семь, въ саду...

Отца еще не было дома, когда Струйскіе возвратились. Миша прошелъ къ себѣ въ комнату и, перемѣнивъ куртку на рубашку, захватилъ «Исторію словесности» и вышелъ на террасу, гдѣ сидѣла Леля и читала что-то.

— Ты что дѣлаешь? — спросилъ онъ сестру, опускаясь на скамью рядомъ съ ней.

— Повторяю квадратныя уравненія... А ты?

— Ни черта, извини за выраженіе! Лѣнь... Да и не знаю, съ чего и начать. Учить ужъ поздно, все равно ничего не выучишь...

— Да, пожалуй, теперь ужъ поздно, — со смѣхомъ отвѣтила Леля. — Ну, какъ, ты доволенъ сегодняшней прогулкой?.. Да еще-бы не доволенъ, ты былъ все время съ Зоей... Ахъ, какая она душечка! О чемъ ты съ ней болталъ? не секретъ?

— Болтать не болталъ, а говорилъ о томъ, что любопытство — очень скверный порокъ въ женщинѣ, что нужно заниматься квадратными уравненіями, что лучше будетъ...

Леля перебила его:

— Не злиться, а подѣлиться своими впечатлѣніями съ сестрой...

Миша сухо разсмѣялся и сказалъ:

— Къ чему? Не вижу надобности... Съ вами, а въ особенности съ тобой, надо говорить очень осторожно. Ты завтра-же разнесешь все по гимназіи.

— За кого-ты меня считаешь, Миша? Сплетница я какая, что-ли?.. Ну, Миша, милый, дорогой, скажи, что ты говорилъ съ Зоей? Она тебѣ объяснялась въ любви, да?

— Это тебѣ интересно, да?

— Конечно.

— Изволь. Она мнѣ немножко объяснилась, а я ее за это немножко поцѣловалъ...

— По-цѣ-ловалъ? — въ ужасѣ воскликнула Леля.

— Ты-то чего испугалась? Тебя, вѣдь, никто не цѣлуетъ?

— Прямо, такъ-таки и поцѣловалъ?

— Прямо или криво, не знаю, а такъ-таки и поцѣловалъ.

— Ну, и она?

— Что «она»? Осталась довольна, конечно.

— Ты думаешь?

— Увѣренъ даже.

— Ну, а если ошибаешься? Если она на тебя разсердилась?

— На что тутъ сердиться-то? Дѣло житейское и очень, надо сознаться, пріятное...

— Ты думаешь?

— Да что ты пристала, скажи на милость? Вѣдь, не тебя цѣловали? Ну?

— У тебя нѣтъ уваженія къ женщинѣ, Миша.

— Что такое? — со смѣхомъ спросилъ онъ. — Уваженія къ женщинѣ? Это изъ какой книжки: изъ «Галахова» или «Смирновскаго»? или, можетъ быть, въ отрывномъ календарѣ вычитала такую громкую фразу? Да развѣ поцѣлуй любви подрываетъ уваженіе къ женщинѣ? развѣ цѣловаться такъ дурно?

— Да, дурно, потому что... потому что, ей, можетъ быть, совсѣмъ не хотѣлось цѣловаться.

— А ты, вѣдь, не знаешь, хотѣлось или нѣтъ? Не знаешь, такъ и молчи. Зубри-ка лучше, что иксъ квадратъ минусъ игрекъ квадратъ равняются двумъ съ минусомъ, которыя ты завтра получишь.

— Не мѣшай. Я заниматься буду, — отвѣтила на это Леля и начала перелистывать книгу.

— Давно-бы такъ... «Теонъ возвращался къ пенатамъ своимъ»... — вполголоса продекламировалъ Миша и углубился въ Жуковскаго.

Минутъ черезъ пять около палисадника раздался голосъ:

— Господинъ Струйскій!

Миша поднялъ голову и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на улицу.

— Господинъ Струйскій! Вамъ письмо отъ барышни, дилехтурской дочки, — проговорилъ пришедшій, въ которомъ Миша тотчасъ-же узналъ сторожа при гимназіи, Архипа.

— Что, Архипъ?—спросилъ Миша и подбѣжалъ къ палисаднику.

— Вамъ письмо-съ... Отвѣта не надо. Пожалуйте-съ! — и Архипъ подалъ Мишѣ письмо.

— Спасибо, Архипъ... Я тебѣ завтра на чай... До свиданья, кланяйся барышнѣ!..

— Слушаю-съ. Будьте здоровы.

Архипъ ушелъ.

Миша прибѣжалъ на террасу и, махая предъ носомъ сестры письмомъ, протрещалъ:

— Видала? Отъ Зои письмо...

Онъ быстро распечаталъ конвертъ и началъ читать про себя. Сначала лицо его было спокойно, потомъ оно изобразило удовольствіе, затѣмъ радость.

— Лелька! Кричи «ура»! — воскликнулъ онъ, дочитавъ письмо.

— Что такое? — спросила Леля и отложила книгу въ сторону.

— Слушай... «Милый Мишунчикъ!..» Она меня Мишунчикомъ зоветъ... «Спѣшу увѣдомить тебя»... Мы, вѣдь, съ ней на «ты».

— Уже?

— Уже... «Спѣшу увѣдомить тебя, что я сейчасъ узнала. Завтра Иванъ Павловичъ вамъ дастъ тему «О значеніи Петербурга». Это — фактъ. Откуда это я знаю, разскажу послѣ, при свиданіи. Будь здоровъ; спокойной ночи. Цѣлую тебя»

Видишь? А ты говоришь, ей не хотѣлось!... «Цѣлую тебя... Сердечно любящая З.»... Вотъ здорово-то, а? И откуда это она пронюхала? Ну, спасибо ей, спасибо... Знаешь, что? Побѣгу сейчасъ къ Перепетуйко и сообщу ему; а ночью буду готовиться.

Миша быстро вскочилъ и убѣжалъ.

Вернулся онъ только къ десяти часамъ, когда Леля и пріѣхавшій изъ усадьбы отецъ сидѣли уже за ужиномъ. Миша, сіяющій, сѣлъ за столъ и безъ умолку болталъ.

Отецъ съ улыбкой смотрѣлъ на дѣтей и говорилъ:

— Нынче въ гимназіи учиться легко!

III.

На другой день, около половины девятаго, Миша стремглавъ летѣлъ къ гимназіи; дорогою онъ забылъ даже перекреститься, проходя мимо церкви Іоанна Предтечи.

Почти у самыхъ дверей гимназіи онъ встрѣтилъ Зою.

— Здравствуй, мой милый, добрый Зоюнчикъ,—радостно улыбаясь, проговорилъ Миша.—Ужъ не знаю, какъ тебя и благодарить... Да откуда ты это узнала?

— А вотъ откуда. Слушай. Прихожу вчера домой, у насъ сидитъ Иванъ Павловичъ. Ну, поздоровались, поболтали о томъ, о семъ... Представь, мнѣ Иванъ Павловичъ поставилъ за сочиненіе четыре съ половиной!

— Да ужъ влюбленъ въ тебя, что и говорить, а для милаго дружка...

— Не жалѣютъ и пятка, какъ говоритъ у насъ математикъ. Ну, вотъ-съ... Итакъ, болтаемъ. Когда кончили чай, папа и онъ ушли въ кабинетъ. А въ кабинетѣ у насъ дверей нѣтъ, однѣ гардины, и все слышно въ столовую. Я сижу и ѣмъ печенье. Вдругъ слышу, папа говоритъ:

«— А почему-бы вамъ завтра не дать семиклассникамъ отвлеченной темы?

«Иванъ Павловичъ отвѣчаетъ:

«— Боюсь, плохо напишутъ. А, впрочемъ, можно попробовать... вотъ что я дамъ имъ: «О значеніи Петербурга». Современно и интересно... Вы одобряете?

«Папа, понимаешь, разсмѣялся и сказалъ:

«—Лучше нельзя и придумать, самая подходящая тема.

«—Ну, и чудесно! — отвѣтилъ Иванъ Павловичъ.

«Потомъ они начали говорить о другомъ, а я шмыгъ сейчасъ-же въ свою комнату и посылаю тебѣ письмо... Обрадовался, поди, а?»

— Да какъ-же, Зоюнчикъ, не радоваться? Вѣдь, русскій экзаменъ, это — гамлетовское «быть или не быть?»: выдержу письменные, и я въ восьмомъ классѣ.

— Ну, давай Богъ! А приготовился-ли хоть немножко?

— Какъ-же, какъ-же, Зоюнчикъ! Въ календарѣ даже справлялся, сколько жителей въ Петербургѣ, ей-Богу. А ты алгебры не трусишь?

— Я никогда не трушу, — разсмѣялась Зоя.

— И самое лучшее. Однако, пора. Прощай, моя прелесть!

— Такъ въ саду увидимся, въ семь?

— Да, да, какъ-же, обязательно... Ну-съ, счастливо!

— Спасибо, Мишуня, и тебѣ такъ-же! До свиданья!

Они пожали другъ другу руки, улыбнулись и разстались.

Миша влетѣлъ въ шинельную вихря буйнаго быстрѣй, моментально раздѣлся и помчался въ классъ.

Онъ еще дома рѣшилъ, что слѣдуетъ сказать всему классу тему, но Перепетуйко предупредилъ его и почти весь классъ зналъ уже ее.

Всѣ потирали руки отъ радости, шутили, смѣялись; вообще настроеніе было совсѣмъ другое, чѣмъ вчера.

— Откуда ты узналъ объ этомъ? — изумлялся Захватовъ, стоя предъ Мишей въ позѣ Наполеона. — И чертъ его знаетъ, господа, ему во всемъ везетъ.

— Господа! — кричалъ взобравшійся на каѳедру Перепетуйко, — не забудьте написать, что не мало значенія имѣетъ Петербургъ и въ дѣлѣ образованія такихъ великихъ словесниковъ, какъ нашъ многоуважаемый Иванъ Павловичъ.

Дружный смѣхъ раздался въ классѣ.

— Господа! Позвольте! Я не кончилъ. Напишемъ еще, что Петербургъ славится своей водой, рекомендуемой врачами, какъ касторка, что въ Петербургѣ есть дума, въ чемъ легко убѣдиться, гуляя по Невскому... я былъ въ Питерѣ, знаю эту думу. Господа! Въ заключеніи по-моему, нелишне будетъ сказать, что намъ, какъ занимающимся теперь изложеніемъ значенія столицы государства, слѣдуетъ поставить удовлетворительные баллы. Не правда-ли?

Захватовъ подошелъ къ Трофимову I, указалъ головой въ сторону Перепетуйко и сказалъ:

— Смотри, братъ, какъ острить нашъ Перепетуйчикъ... Гоголь, да и только.

— Да!—отвѣтилъ Трофимовъ I, смотря въ землю.

— Тш!..—раздалось въ классѣ, и все смолкло.

Это стоявшій у дверей Тропаринъ извѣщалъ товарищей о приходѣ директора.

Директоръ Павелъ Павловичъ Черемхинъ, еще не старый господинъ, съ густой сѣдою шевелюрой, каждый день во время экзаменовъ заглядывалъ въ классы. Гимназисты его очень любили; строго онъ никого никогда не наказывалъ, относился ко всѣмъ одинаково, съ любовью. Вотъ почему теперь, когда Тропаринъ сообщилъ семиклассникамъ о приходѣ директора, всѣ высыпали навстрѣчу и закричали:

— Здрасте, Павелъ Павловичъ! Добрый день, Палъ Палычъ!

«Палъ Палычъ» улыбался и кланялся.

— Какой у васъ сегодня экзаменъ?—спросилъ онъ, ни къ кому, собственно, не обращаясь.

— Русскій,—крикнули нѣсколько человѣкъ.

— Ахъ, да, да, да, русскій... Ну, какъ, лихорадка потряхиваетъ, а?—спросилъ онъ, улыбаясь.

— Страшновато, Палъ Палычъ!—отвѣтилъ Перепетуйко.

Всѣ сдержанно засмѣялись. «Палъ Палычъ» тоже.

— Ну, не тряситесь. Иванъ Павловичъ легкую тему дастъ вамъ, легкую.

— А какую?—спросилъ неожиданно Струйскій и сейчасъ-же стушевался.

— Любопытство — дурная вещь, вотъ какая тема! — разсмѣялся директоръ.

— Скажите, Палъ Палычъ!— пристали нѣкоторые и окружили его.

— Что вы, что вы, господа! Какъ это можно? Пустите, позвольте, мнѣ въ учительскую надо...

Его выпустили и побѣжали въ классъ.

— Знаемъ и безъ васъ!—кричалъ Перепетуйко.—Теперь мы тебя, Ваня, Божій человѣкъ, не боимся.

— Тише! Иванъ Павловичъ идетъ! — возвѣстилъ Тропаринъ.

Всѣ бросились на свои мѣста. Перепетуйко и Струйскій забились на «Камчатку», т. е., на самую заднюю парту.

Быстро влетѣлъ въ классъ Иванъ Павловичъ. Это былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ, года два тому назадъ окончившій университетъ. Его продолговатое лицо, обрамленное небольшою, искусно выстриженною бородкою, красивые усы, завитые въ колечки, выразительные сѣрые глаза, пепельные волосы ежикомъ и открытый бѣлый лобъ позволяли ему считаться красивымъ и симпатичнымъ молодымъ человѣкомъ. Ученики чувствовали къ нему симпатію и маленькій страхъ, такъ какъ онъ любилъ связные, дѣльные отвѣты и давалъ сочиненія почти всегда на отвлеченныя темы, за что и былъ прозванъ «отвлеченный Златоустъ». Кличка «Ваня, Божій человѣкъ» была дана ему за то, что онъ часто вспоминалъ Бога: «ради Бога, побойтесь Бога, Богъ васъ накажетъ за такіе отвѣты»,—были любимыми словами Ивана Павловича.

Когда онъ вошелъ въ классъ, всѣ вскочили и закричали:

— Здравствуйте, Иванъ Павловичъ!..

Иванъ Павловичъ улыбался, кивалъ головой и взобрался на каѳедру.

— Всѣ собрались? — спросилъ онъ мягкимъ баритономъ.

— Всѣ, до единаго! — не унимался Перепетуйко.

— Очень пріятно-съ. Не угодно-ли записать тему?

— Угодно, — вполголоса отвѣтилъ Перепетуйко.

Иванъ Павловичъ посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Перестаньте, Перепетуйко, школьничать. Chaque chose à son temps! *).

— Чего? — изумился Перепетуйко.—Я, Ивачъ Павловичъ, французскій съ четвертаго класса бросилъ, monsieur Derly больше двойки не ставилъ, ну, я и бросилъ, потому что, знаете, все время...

— Ну, ну, хорошо. Впослѣдствіи объ этомъ въ мемуарахъ скажете, а мы прочтемъ... Такъ запишите, господа, тему: «О значеніи Петербурга». — важно и съ разстановкой произнесъ Иванъ Павловичъ.

Всѣ улыбнулись. Иванъ Павловичъ замѣтилъ это.

— Какъ мнѣ кажется, вамъ эта тема по душѣ. Да?

— Легкая тема, чего лучше, — отвѣтилъ кто-то.

— Ну, вотъ, слава Богу. То-то, я вижу, вы улыбаетесь. Ну-съ пишите, господа. И, ради Бога, больше вниманія на планъ.

— А какой планъ? — спросилъ Захватовъ.

Всѣ вопросительно взглянули на Ивана Павловича.

— Этого ужъ я вамъ не скажу, не имѣю права, — отвѣтилъ на это Ваня, Божій человѣкъ.

— Вотъ тебѣ и разъ, какъ-же такъ? — вполголоса тономъ разочарованія замѣтилъ Перепетуйко. — Послушай-ка, Мишка, — онъ ткнулъ Струйскаго,—Зоя тебѣ плана не написала, а? Ничего не говорила?

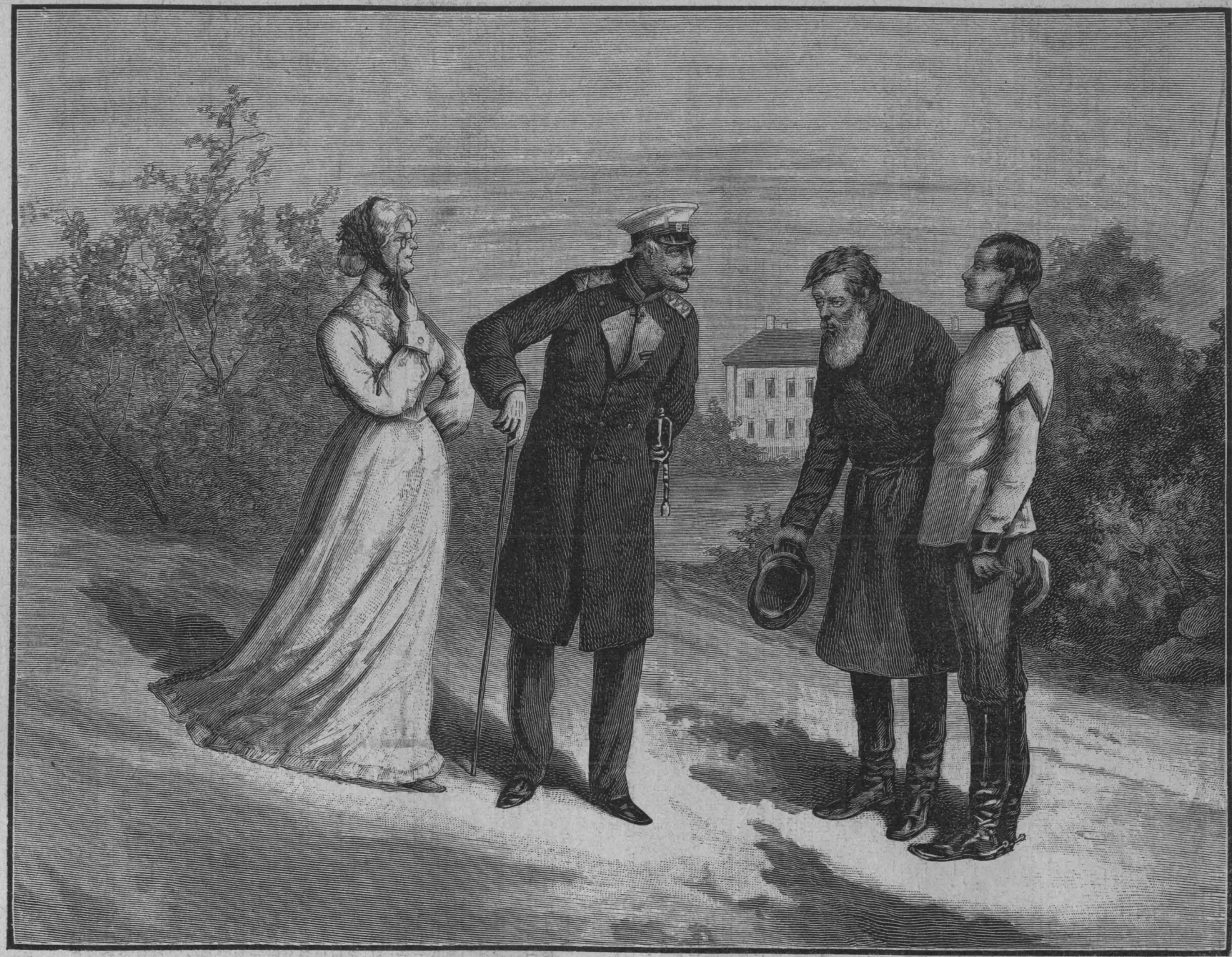
— Дуракъ! — отвѣтилъ Миша. — Какъ она можетъ знать планъ? Скажи спасибо, что тему достала.

— Господинъ Струйскій, перестаньте, пожалуйста, безобразничать... И вы тоже, господинъ Перепетуйко... Пишите, пожалуйста! — остановилъ ихъ Иванъ Павловичъ.

— Хорошо, Иванъ Павловичъ, мы больше не будемъ.

*) Т. е., все въ свое время.

РАННІЕ ЦВѢТЫ. Съ картины **М. А. Беркоса** гравир. для „Родины“ **И. Юревичъ.**



ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ. Оригин. рисун. **Г. Бролинга;** гравир. для „Родины“ **Б. Пуцъ.**

Только скажите, пожалуйста, нужно-ли писать, что въ Петербургѣ есть дума?

— Къ чему тутъ дума?—изумился Иванъ Павловичъ.

— Да, собственно, такъ... Для полноты сочиненія. Вотъ тоже и насчетъ наводненія.

— Все у васъ шутки да пустячки въ головѣ, Перепетуйко. Вотъ ужъ истинно про васъ Адольфъ Эрнестовичъ на совѣтѣ сказалъ: «у меня Перепетуйко всѣ уроки смѣялось и кушало»... Видите?

Кое-кто разсмѣялся вслухъ, нѣкоторые улыбнулись, но Иванъ Павловичъ остановилъ развеселившійся классъ:

— Будетъ, господа. Тише, Бога ради. Будемъ писать...

Вдругъ поднимается Перепетуйко.

— Иванъ Павловичъ!—говоритъ онъ.

— Что вамъ?

— Правда или нѣтъ, сказываютъ, что въ Петербургѣ недавно морозъ былъ въ двѣсти градусовъ?

Всѣ прыскаютъ со смѣха, а въ томъ числѣ и Иванъ Павловичъ.

— И чего онъ только не выдумаетъ,—сдерживая смѣхъ, говоритъ онъ.

— Я это у Чехова читалъ. Думаю, что это относится немножко къ темѣ,—серьезно отвѣчаетъ Перепетуйко.

— Что мнѣ съ вами дѣлать, не знаю,—замѣчаетъ Иванъ Павловичъ.—Вѣдь, вы другимъ мѣшаете. Придется васъ въ карцеръ посадить,—съ улыбкой доканчиваетъ онъ.

— Не стóитъ, лучшей работы лишитесь,—возражаетъ тихо Перепетуйко и выводитъ каллиграфически: «Планъ».

Въ классѣ водворяется тишина. Монотонно скрипятъ перья; слышатся откашливанья и сморканія; кто-то тяжело вздыхаетъ. Струйскій обдумываетъ планъ и смотритъ на двухъ мухъ, бьющихся о грязныя стекла большого окна. Только-бы планъ написать, а тамъ ужъ пойдетъ работа...

А потомъ-то, послѣ экзамена? До будущей субботы нѣтъ ничего; въ субботу алгебра, но Миша ея не боится. Сегодня вечеромъ онъ непремѣнно еще разъ поцѣлуетъ Зою...

— Пиши,—шепчетъ ему Перепетуйко.—Во-первыхъ, значеніе Петербурга, какъ торговаго города... Готово? Дальше—это во-вторыхъ: значеніе его, какъ центра умственной жизни... Написалъ? Ну, а дальше пока и самъ не знаю. Сейчасъ, подожди, посмотрю у Тропарина,—и Перепетуйко направилъ глаза къ Тропарину.

Долго смотрѣлъ онъ въ работу Тропарина, но, очевидно, не могъ разобрать, что такое означаетъ третье. Потомъ, злобно плюнувъ, Перепетуйко посмотрѣлъ на Струйскаго.

— Ну, что?—спросилъ его Миша.

— Чертъ его знаетъ, что у него тамъ въ-третьихъ. Пишетъ, какъ муха животомъ. Ничего не понимаю. Досадно... Давай напишемъ значеніе Петербурга, какъ правительственнаго центра Россіи. Напишемъ, а?

— Давай,—согласился Миша.

И они написали.

— Все равно, тройку-то поставитъ,—убѣдительнымъ гономъ замѣтилъ Перепетуйко.—А теперь изложеніе валяй. Сейчасъ изъ «Мѣднаго всадника» накатаю полстраницы.

И онъ, дѣйствительно, началъ «катать», а за нимъ слѣдомъ и Струйскій.

— Дальше-то что?—спросилъ Миша, когда Перепетуйко кончилъ.

— А теперь о торговлѣ. Такъ, молъ, и такъ, Петербургъ торгуетъ... На эту тему и сади,—отвѣтилъ тотъ и началъ строчить.

Миша безпощадно передѣлывалъ фразы Перепетуйко и водворялъ ихъ на свой листъ. Дальше работа шла въ томъ-же духѣ. Иванъ Павловичъ раза два останавливалъ ихъ разговоры, но сосѣди, очевидно, обращали на него очень мало вниманія, такъ что, въ концѣ концовъ, тотъ махнулъ рукой:

— Пишите вмѣстѣ, Богъ съ вами!

Около двѣнадцати они кончили. Перепетуйко торжественно подалъ работу Ивану Павловичу и сказалъ:

— Извините, Иванъ Павловичъ, что мы со Струйскимъ разговаривали.

Иванъ Павловичъ мотнулъ головой и взялъ работу.

— До свиданья, Иванъ Павловичъ,—расшаркался Перепетуйко и важно вышелъ изъ класса.

Въ шинельной онъ дождался Струйскаго и они отправились по домамъ.

IV.

Ровно въ семь часовъ Струйскій былъ въ саду. Онъ сѣлъ около сломаннаго фонтана, изображающаго кита съ отломаннымъ хвостомъ, и сталъ ждать Зою. Отъ нечего дѣлать Миша задымилъ покупною папиросою, тщательно скрывая ее въ рукавѣ чистенькой парусиновой блузы.

Не прошло и пяти минутъ, какъ въ концѣ аллеи показалась Зоя. Голубая кофточка и шляпка на бокъ очень шли къ ней. Миша вскочилъ, увидавъ ее, поправилъ ухарски надѣтую фуражку и помчался къ ней навстрѣчу.

Зоя ласково улыбнулась, показавъ красивые зубки, и томно сказала:

— Я тебя заставила ждать, мой дорогой!

— Напрасно такъ думаешь. Я сейчасъ только пришелъ... Ну, какъ твой экзаменъ?

Зоя прищурила глазки, склонила на бокъ головку и со вздохомъ отвѣтила:

— Провалилась, мой дорогой... А ты какъ?

— Да что ты? Почему?

— Задачи не сдѣлала; у меня въ отвѣтѣ получилось, что на каждаго человѣка въ день нужно 5 пудовъ хлѣба, а оказывается, что только 2 фунта. Не правда-ли, какое разочарованіе?

— Ай-ай-ай! Какъ-же теперь быть?

— Вся надежда на устный... А ты выдержалъ?

— Да я-то ничего, слава Богу. Тема-то эта и была. Спасибо тебѣ: спасла человѣка. Я тебѣ медаль потомъ подарю—«за спасеніе погибавшихъ»... Да трудная задача-то была?

— Не трудная, а знаешь такая... какъ-бы тебѣ сказать?.. ну, какая-то чешуистая: хлѣбъ да человѣки, человѣки да хлѣбъ. Да корни эти глупые!.. Ну, пойдемъ, сядемъ.

Они сѣли въ углу сада подъ раскидистой акаціей.

— Вотъ тебѣ и финалъ вчерашняго катанья!—сказалъ Миша.

— Надо было его и ждать. Вѣдь, я по алгебрѣ ни-ни... А сегодня ты не поѣдешь верхомъ? Я собираю кавалькаду.

— Это отъ радости, должно быть?—улыбнулся онъ...

— Да, отъ радости, что я буду опять съ тобой...

— Да когда-же ѣхать-то?

— Черезъ часъ. Мы недалеко...

— Кто мы?

— Я да ты!

— Кавалькада вдвоемъ?

— Да. Не правда-ли, оригинально?

— Очень. А на чемъ-же я поѣду?

— Конечно, на лошади.

— А откуда ее взять прикажете?

— Дома. Вѣдь, у тебя есть лошади?

— Т. е., у отца.

— Это все равно. Разъ я этого хочу, ты не смѣешь отказываться.

— Да я и не отказываюсь. Я попрошу.

— Ну, такъ и убирайся. Около восьми пріѣзжай къ намъ; я буду готова.

— Слушаю-съ, ваше сіятельство.

Миша всталъ и сдѣлалъ подъ козырекъ.

— Прикажете уйти?

— Приказываю.

Миша пошелъ; Зоя весело разсмѣялась ему вслѣдъ.

Когда она выходила изъ сада, ее нагналъ Перепетуйко.

— Здравствуйте, Зоя Павловна!

— Ахъ, это вы! Здравствуйте! Ну, что, провалились?

— Кто? я-то? За кого вы меня считаете, Зоя Павловна? Вѣдь, мы со Струйскимъ — гордость гимназіи! геркулесовы столбы!

— Что геркулесовы, такъ сомнѣваюсь, а что...—она не договорила и разсмѣялась.

— Покорно васъ благодарю,—расшаркался Перепетуйко.

— Не на чемъ-съ... Хотите сегодня, сейчасъ, ѣхать верхомъ?

— Куда угодно. Съ вами, да?

— Со мной.

— Хоть на сѣверный полюсъ!

— Ну, такъ доставайте одра и къ восьми будьте у насъ.

— Лечу!

Пикникъ втроемъ, къ великой радости Зои, состоялся; Перепетуйко досталъ какого-то поистинѣ одра и не мало смѣшилъ своихъ компаньоновъ. Такъ какъ было уже довольно поздно, то они не рискнули ѣхать далеко и прокатились только до первой деревни, гдѣ выпили молока, а затѣмъ вернулись обратно.

Миша былъ немножко разстроенъ сообщеніемъ Зои, что за ней сильно ухаживаетъ Иванъ Павловичъ, а когда Зоя сказала, что она выйдетъ замужъ за Ивана Павловича, если онъ сдѣлаетъ ей предложеніе,—Миша даже поблѣднѣлъ.

— А сама клялась, что любишь меня,—упрекнулъ онъ при этомъ Зою.

— Я не отказываюсь. Конечно, люблю... Но и Иванъ Павловичъ мнѣ тоже очень нравится. Вѣдь, сердцу не закажешь. Правда?

— Такъ-то оно такъ, да все-таки...

— Ну, не сердись, Мишунчикъ. Я пошутила.

— Хороши шутки, нечего сказать!

По пріѣздѣ въ городъ Зоя звала Мишу къ нимъ, но тотъ отказался.

Пріѣхавъ домой, Миша углубился въ «несчастную» алгебру, но воспоминаніе о Зоѣ, ея слова мѣшали ему заниматься, и, прочитавъ всего три страницы, онъ въ десять часовъ легъ въ постель.

Текли дни за днями; начались устные экзамены. Съ Зоей Струйскій видѣлся почти каждый день, но той прелести свиданій, которую онъ испытывалъ ранѣе, теперь уже не было. Къ тому-же нѣсколько разъ онъ встрѣчалъ ее подъ руку съ Иваномъ Павловичемъ.

Идя съ послѣдняго экзамена домой уже восьмиклассникомъ, Миша встрѣтилъ Зою Павловну.

— Здравствуйте, Зоя, — сказалъ онъ, подавая ей руку.

— Здравствуй,—отвѣтила она, пожимая протянутую руку.— И прощай. Сегодня мы—папа, я и Иванъ Павловичъ—ѣдемъ въ Крымъ. Я горю нетерпѣніемъ забраться скорѣй на вокзалъ... Я заходила проститься съ Лелей, но не застала ея. Кланяйся ей, пожалуйста...

— Ну, что-же? Счастливаго пути!

— Спасибо... Ты перешелъ?

— Перешелъ.

— Поздравляю. Итакъ, до свиданія...

„Итакъ безъ слезъ, безъ состраданья
Ты покидаешь здѣшній край?“ —

продекламировалъ Миша съ грустной улыбкой.

— Такъ, вѣдь, не навсегда? Богъ дастъ, увидимся.

— Надѣюсь.

— Ну, такъ прощай, Миша!

— Прощай, Зоя!

Они пожали другъ другу руки и разошлись.

Въ тотъ-же день Зоя уѣхала въ Крымъ, а Миша съ сестрой-восьмиклассницей и отцомъ — въ усадьбу.

Промелькнуло лѣто; насталъ августъ. Въ городъ начали съѣзжаться дачники, гимназисты, гимназистки, реалисты и прочіе учащіеся.

Когда Миша пріѣхалъ изъ усадьбы, Зоя еще была въ Крыму. Вскорѣ онъ узналъ, что она вышла изъ гимназіи, проживетъ всю зиму за границей, куда ѣдетъ будто-бы въ отпускъ на Рождество и Иванъ Павловичъ.

Въ городѣ ходятъ упорные слухи, что Иванъ Павловичъ женится на Зоѣ Черемхиной. Миша при этомъ извѣстіи улыбается и говоритъ:

— „Не течетъ рѣка обратно,
Что прошло, то невозвратно!“

КОНЕЦЪ.

Весенней ночью.

Какая ночь! Все дремлетъ, все безмолвно:
И старый темный лѣсъ, и море желтыхъ нивъ,
И хутора, что утонули словно
Въ зеленомъ сумракѣ черешенъ, грушъ и сливъ.
Какая ночь! Не небо—бархатъ нѣжный,
Звѣздами затканный, синѣетъ въ вышинѣ,
И далеко степей просторъ безбрежный
Раскинулся вокругъ и виденъ при лунѣ.
Какая ночь! Храня молчанье строго,
Природа чуткая какъ-бы изнемогла...
Въ нѣмой дали пустынная дорога,
Віяся межъ хлѣбовъ, куда-то повела..
Какая ночь! Лучъ мѣсяца дробится
Въ рѣкѣ, колеблющей лазурный сводъ небесъ...
Не сонъ-ли мнѣ давно забытый снится?
О, эта ночь! Какъ много въ ней таится
Непостижимыхъ чаръ и сказочныхъ чудесъ!

Евг. Богославскій.

ВЕСЕННІЙ ЗАХВАТЪ.

Романъ Г. Т. Сѣверцева (Полилова).

(Продолженіе.)

ОВОЛЬСТВО Бельгіи, выразившееся въ колоссальныхъ суммахъ, внесенныхъ трудящимся населеніемъ въ сберегательныя кассы, поразило Арсенія. Новый міръ открывался предъ нимъ; онъ чувствовалъ, что все то, что онъ теперь наблюдалъ, осматривалъ, обдумывалъ, сильно разнится противъ того, что до сихъ поръ онъ изучалъ и видѣлъ дома. Новыя воззрѣнія, новыя мысли всецѣло овладѣли княземъ; подъ впечатлѣніемъ ихъ онъ ежедневно писалъ старухѣ-бабушкѣ письма.

Ухина, несмотря на свое крайне ограниченное образованіе, чутьемъ угадала сомнѣнія и переворотъ мыслей внука и своимъ крючковатымъ почеркомъ часто отвѣчала на его письма, поражая князя ясностью своихъ взглядовъ и рѣшеніемъ тѣхъ вопросовъ, которые онъ невольно ей предлагалъ. Анфиса Матвѣевна была рада, что Арсеній сталъ интересоваться промышленностью; надежда, почти уже брошенная ею: передать свое дѣло внуку, снова появилась у Ухиной. Въ свою очередь, Арсеній, довольный, что можетъ съ кѣмъ-либо подѣлиться своими мыслями, продолжалъ свою корреспонденцію съ бабушкой.

„Дворецъ труда“ привлекъ въ особенности вниманіе Гостомыжскаго; съ большою охотою присутствовалъ онъ на собраніяхъ, часто происходившихъ въ его стѣнахъ. Рѣчи ораторовъ изъ рабочихъ, ихъ диспуты, установленія, правила, вырабатываемыя этими собраніями, — все интересовало молодого русскаго, прекрасное-же знаніе иностранныхъ языковъ, заботливо данное старой купчихой внуку съ малыхъ лѣтъ, позволяло ему слѣдить за каждою мелочною подробностью этихъ собраній.

Постоянное присутствіе на нихъ русскаго обратило на себя вниманіе рабочихъ.

— Вы опять здѣсь, молодой человѣкъ, — добродушно проговорилъ, обращаясь къ князю, высокаго роста рабочій и сѣлъ съ нимъ рядомъ на скамью у стѣны.

Въ эту минуту стоявшій на каѳедрѣ ораторъ, тоже рабочій, горячо отстаивалъ новую систему эмеритуры, доказывая ея необходимость и находя новый способъ для составленія капиталовъ съ этою цѣлью болѣе удобнымъ, чѣмъ ранѣе практиковавшійся.

— А вы что на это скажете? — снова обратился къ Арсенію его сосѣдъ, оказавшійся слесаремъ, работавшимъ на большомъ механическомъ заводѣ.

— Я вполнѣ согласился-бы съ говорящимъ, — смѣло отвѣтилъ князь, — если-бы онъ не предлагалъ черезчуръ большихъ вычетовъ изъ заработной платы; при этомъ способѣ, разумѣется, обезпеченіе старости становится, несомнѣнно, солиднѣе въ смыслѣ размѣра получаемой суммы, но одновременно вычеты эти уменьшаютъ до чрезвычайно низкой степени удобства настоящей жизни, а это также далеко не логично.

— Вы совершенно правы, — взволнованно произнесъ рабочій, — нельзя, въ самомъ дѣлѣ, ради будущихъ удобствъ, которыхъ большинство изъ насъ и не дождется, окончательно жертвовать настоящимъ. Вѣдь, тогда мы не будемъ больше молоды! — горячо закончилъ слесарь и началъ среди собравшихся свою агитацію противъ предложенія говорившаго на каѳедрѣ.

Дѣйствительно-ли возраженіе князя понравилось собранію или просто духъ противорѣчія былъ тому причиною, но проэктъ на этотъ разъ большинствомъ

голосовъ былъ торжественно отвергнутъ, и авторъ его, сконфуженный неудачею, быстро исчезъ съ каѳедры. Гостомыжскій, напротивъ того, сталъ героемъ этого вечера, на него всѣ обращали взгляды, и, пошептавшись съ товарищами, его сосѣдъ, слесарь, подошелъ къ Арсенію и сказалъ:

— Послушайте, русскій, ваше замѣчаніе понравилось моимъ товарищамъ, вы это замѣтили; выходите-ка на каѳедру и скажите что-нибудь въ этомъ же родѣ.

Но князь отклонилъ завидную честь быть ораторомъ на собраніи рабочихъ до слѣдующаго раза, когда онъ хотѣлъ явиться уже подготовленнымъ для рѣчи. Собравшіеся поблагодарили его за обѣщаніе и стали расходиться.

Однако, колесо жизни повернуло въ другую сторону, и князю Гостомыжскому не скоро пришлось появиться во „Дворцѣ труда“.

V.

Весна стояла холодная. Несмотря на вторую половину апрѣля, зелень еще слабою дымкой окутывала деревья бульваровъ и садовъ Брюсселя.

Дни были пасмурные, дулъ холодный вѣтеръ. На бульварѣ Ансбахъ, этомъ Невскомъ проспектѣ бельгійской столицы, противъ обыкновенія, было мало гуляющихъ. Стоящіе на панели у ресторановъ столики пустовали, гарсоны грустно посматривали на проходящую мимо публику.

Арсеній Николаевичъ отправился гулять до обѣда. Изысканная кухня отеля Манжель начинала ему надоѣдать, и онъ, дойдя по бульвару Ансбахъ до вокзала Сѣверной желѣзной дороги, сѣлъ около столика одного изъ близлежащихъ ресторановъ и заказалъ себѣ обѣдъ.

Услужливый гарсонъ подалъ ему незатѣйливый, но очень сытный обѣдъ, причемъ рыба — и, нужно прибавить, очень хорошая,—которой въ Брюсселѣ не мало, благодаря близости моря, составляла пріятное разнообразіе послѣ надоѣвшихъ Арсенію въ гостиницѣ Манжель голубей, дикихъ козъ и т. п.

Прогулка возбудила аппетитъ у молодого человѣка. Онъ обѣдалъ, не обращая вниманія на окружающихъ. Вдругъ мелодическій аккордъ механическаго піанино заставилъ его невольно поднять голову. Сзади него, на улицѣ, бродячій шарманщикъ-итальянецъ вертѣлъ ручку своего инструмента и незатѣйливые звуки немного разстроеннаго піанино гудѣли за спиною князя. Послѣ нѣсколькихъ аккордовъ раздалась прелюдія къ извѣстной молитвѣ Гуно „Ave Maria“ *) и вмѣстѣ съ мелодіей, исполняемой инструментомъ, послышался молодой женскій голосъ, вторящій ей.

Арсеній Николаевичъ началъ внимательно прислушиваться. Мягкій тембръ голоса пѣвицы небольшого звука пріятно гармонировалъ съ аккомпаниментомъ.

— Grazia plena benedicta tu...—звучало среди стука ножей и вилокъ о тарелки.

Князю стало досадно на подобное сочетаніе, онъ осторожно положилъ свой приборъ на скатерть, все съ большимъ и большимъ вниманіемъ слушая пѣвицу.

Рѣзкимъ арпеджіо **) музыка оборвалась, съ нею закончилось и пѣніе, молитва не была допѣта до конца.

Князь вздрогнулъ отъ неожиданности. Піанино заиграло новую пьесу — интермеццо изъ оперы Масканьи „Сельская честь“, но настроеніе у Арсенія исчезло, и онъ снова принялся за прерванный обѣдъ.

— Синьоръ...—услышалъ князь знакомый голосъ пѣвицы.

Онъ поднялъ голову и вздрогнулъ: предъ нимъ стояла дѣвушка лѣтъ семнадцати; неаполитанскій костюмъ, надѣтый на ней, крайне шелъ къ ея смуглому худощавому личику, къ ея густымъ чернымъ волосамъ. Брюнетка протянула князю небольшую деревянную чашечку.

Гостомыжскій досталъ кошелекъ и совершенно безсознательно высыпалъ всю бывшую въ немъ мелочь въ чашечку.

— О, синьоръ, вы слишкомъ добры!—вся покраснѣвъ отъ изумленія, проговорила по-итальянски дѣвушка,—благодарю, очень благодарю васъ!..

Спустя немного послѣ этого, телѣжка съ піанино покатилась дальше, и смягченная разстояніемъ музыка раздалась снова.

Арсеній окончилъ обѣдъ, расплатился и ушелъ, сопровождаемый низкими поклонами гарсона, которому онъ далъ хорошій „на чай“. Отойдя немного отъ ресторана, Гостомыжскій что-то вспомнилъ и снова вернулся.

— Скажите,— обратился онъ къ служившему ему лакею,—у васъ постоянно въ это время музыка?

— Каждый день является старикъ Джузеппе со своимъ піанино и съ дочкой...

— Благодарю васъ,—оборвалъ его разглагольствованія князь и пошелъ по старой дорогѣ.

Странное желаніе увидѣть завтра опять молоденькую итальянку явилось у Гостомыжскаго. Онъ не придалъ этому капризу особаго вниманія и не проанализировалъ самого себя, какъ это у него всегда было принято за правило, когда ежедневно вечеромъ онъ подводилъ итоги всего, что онъ дѣлалъ, видѣлъ и слышалъ въ текущій день.

Блестящій управляющій отеля Манжель напрасно употреблялъ сегодня свои усилія, чтобы заинтересовать князя меню обѣда, Арсеній Николаевичъ наотрѣзъ отказался исполнить желаніе послѣдняго и сѣсть за столъ. Онъ поднялся посредствомъ лифта *) до своей комнаты, но оставаться на этотъ разъ въ одиночествѣ не могъ: неожиданная музыка и пѣніе немного разстроили его нервы, ему вспомнились бабушка, родина, остававшаяся для него до этой минуты совершенно безразличною, и, чтобы немного развлечься, молодой человѣкъ отправился въ театръ „Водевиль“ въ галлереѣ Ст.-Гюберъ. Бойко, точно по нотамъ, разыгранная парижскими артистами легкая пьеса мало ему понравилась, причемъ образъ уличной пѣвицы не выходилъ у него изъ головы.

Не досмотрѣвъ пьесы, Арсеній Николаевичъ пошелъ домой, попрежнему вспоминая итальянку.

Ярко освѣщенныя улицы, пустовавшія днемъ, къ вечеру кишѣли народомъ. Стало теплѣе и уютнѣе.

Долго ворочался князь Гостомыжскій безъ сна на постели въ эту ночь: хорошенькая итальянка, какъ живая, стояла предъ нимъ, и только подъ самое утро онъ заснулъ.

VI.

Желаніе увидѣть опять брюнетку заставило молодого князя въ то-же самое время, какъ и наканунѣ

*) Молитва Пресвятой Богородицѣ.

**) Такъ называется исполненіе аккордовъ на фортепіано и арфѣ, причемъ звуки аккордовъ слѣдуютъ одинъ за другимъ.

*) Подъемная машина приводится въ движеніе водяной или электрической силой и служитъ для спуска и подъема тяжестей и людей.

ПРОБИВАЮТСЯ. Оригин. рисун. **М. Андреева**

отправиться въ ресторанъ около станціи Сѣверной желѣзной дороги.

Музыка еще не начиналась, но вскорѣ послѣ появленія молодого русскаго въ ресторанѣ знакомые ему звуки „Ave Maria“ раздались снова. Итальянка вступила голосомъ значительно позже, но этимъ не испортила мелодіи.

Арсеній съ жадностью ловилъ звуки. Молитва повчерашнему оборвалась далеко еще не законченною, и снова среди публики появилась дѣвушка, собирая деньги.

На этотъ разъ князь не вытряхнулъ всего содержимаго кошелька, но положилъ въ чашечку 3 франка. И этой суммы никогда не получала брюнетка отъ одного лица. Скромно, но корректно одѣтый господинъ изумлялъ ее своею щедростью, и она совершенно случайно съ нимъ разговорилась. Голосъ ея звучалъ чрезвычайно гармонично, французскій выговоръ былъ у нея далеко не важный, она мѣшала французскія слова съ итальянскими, а въ особенности съ ея родными неаполитанскими.

Кончетта — такъ звали пѣвичку — была второю дочерью старика Джузеппе; старшая-же Лючіа оставалась дома въ Неаполѣ, гдѣ жили и ея три брата, чтобы вести, вмѣсто умершей матери, хозяйство.

Арсеній залюбовался горячностью Кончетты въ разговорѣ, ея черезчуръ порывистыми жестами, ея изящно очерченнымъ носикомъ, красивой рукою и обѣщалъ дѣвушкѣ придти обѣдать сюда и завтра.

Затѣмъ они разстались, и князь отправился домой.

VII.

— Вы довольны, Кончетта, подобною жизнью, какъ ваша? — пытливо спросилъ Арсеній итальянку, встрѣтивъ ее, по обыкновенію, въ ресторанѣ на слѣдующій день.

Дѣвушка изумленно поглядѣла на него.

— Да, довольна, мы сыты съ отцомъ, одѣты, у насъ еще немного остается денегъ...

— Но, вѣдь, это — облагороженное нищенство.

Въ глазахъ Кончетты вспыхнулъ недобрый огонекъ.

— Это — неправда, синьоръ, неправда! — съ негодованіемъ воскликнула итальянка, — мы — не нищіе, мы работаемъ, у отца въ Позилипо свой домъ!

Князь съ изумленіемъ смотрѣлъ на стоявшую предъ нимъ дѣвушку. Взволнованная отъ незаслуженнаго, по ея мнѣнію, оскорбленія, Кончетта не могла говорить дальше. Лицо ея залилъ румянецъ, между бровей появилась складка, ноздри тонкаго носа расширились, маленькія руки впились въ спинку стула, вся ея стройная фигура выражала собою недовольство, но одновременно была картинно-красива.

— Я не думалъ васъ оскорбить, Кончетта, — вѣжливо проговорилъ Арсеній, не спуская глазъ съ дѣвушки, — я только повторилъ общее мнѣніе...

Рѣзкимъ жестомъ руки итальянка перебила его слова и горячо воскликнула:

— Общее мнѣніе! мнѣніе глупой толпы! Нѣтъ, синьоръ, наше ремесло повсюду въ Италіи уважается, наши знаменитые маэстро*) съ охотой разрѣшаютъ пользоваться ихъ мелодіями. Мы — тоже артисты, синьоръ, а не нищіе.

— Кончетта, Кончетта! — послышался голосъ стараго шарманщика, — что ты тамъ болтаешь? пойдемъ!

Дѣвушка недовольно кивнула головой отцу, крикнувъ ему по-итальянски:

— Сейчасъ! — и, обращаясь снова къ Гостомыжскому, промолвила уже болѣе миролюбиво: — перемѣните о насъ ваше мнѣніе, синьоръ!

Арсеній невольно улыбнулся и отвѣтилъ:

— Охотно, тѣмъ болѣе, что я не могу возражать такой энергичной и хорошенькой заступницѣ, какъ вы.

Итальянкѣ польстила подобная фраза, она весело улыбнулась и протянула руку князю.

— Ну, такъ довольно, миръ! мы снова съ вами — друзья! Мнѣ нужно идти, отецъ ждетъ.

Молодой человѣкъ крѣпко пожалъ ручку уличной пѣвицы, безсознательно ее удерживая.

— Мнѣ хотѣлось-бы потолковать съ вами побольше, Кончетта, неужели вы цѣлыми днями ходите по улицамъ съ отцомъ?

По губамъ итальянки пробѣжала легкая улыбка.

— Нѣтъ, синьоръ, мы даемъ себѣ отдыхъ разъ въ недѣлю; кромѣ того, послѣ пяти часовъ вечера, отецъ возитъ піанино одинъ, а я остаюсь дома, чтобы приготовить ему ужинъ.

— Отлично, если вамъ не скучно будетъ со мною, Кончетта, то сегодня, когда освободитесь, отправимтесь вмѣстѣ въ Камбрскій лѣсъ? — неувѣренно проговорилъ русскій.

Рука дѣвушки, остававшаяся еще въ его рукѣ, вздрогнула, Кончетта изогнула свою тонкую шею, откинула голову назадъ и сосредоточенно взглянула въ глаза князю.

— Нѣтъ, не сегодня, — медленно выговаривая слова, отвѣтила итальянка, — мнѣ сегодня некогда... завтра я могу...

— Что-же ты не идешь, Кончетта? — снова крикнулъ старикъ Джузеппе.

— Сейчасъ, сейчасъ, — заторопилась дѣвушка, вырывая свою руку отъ Арсенія.

— Гдѣ-же мы съ вами встрѣтимся? — волнуясь, спросилъ молодой человѣкъ.

— У колонны Конгресса, завтра ровно въ шесть часовъ, — бросила ему на-ходу пѣвица и побѣжала къ отцу.

Гостомыжскій чувствовалъ неловкимъ оставаться въ ресторанѣ; ему казалось, что взоры посѣтителей направлены на него одного, онъ боялся поднять голову, чтобы не встрѣтить насмѣшливой улыбки прислуживавшаго ему лакея. Онъ поспѣшилъ расплатиться и, точно въ чемъ-нибудь виноватый, быстро вышелъ изъ ресторана, стараясь слиться съ толпой.

Незнакомое чувство какой-то виновности томило его, но одновременно съ этимъ онъ сознавалъ, что стѣна, которою онъ такъ заботливо отгородилъ себя отъ прочаго свѣта, разрушена, увлеченіе одною наукою, одною книжною мудростью должно уступить мѣсто и другимъ стремленіямъ, другимъ жизненнымъ порывамъ. Замкнутость василеостровскаго особняка, усвоенная имъ съ дѣтства привычка общенія съ одной старухой-бабушкой, извѣстнаго рода нелюдимость, боязнь женскаго общества, тоже навѣянныя тишиною и отдаленностью купеческаго дома, начали незамѣтно исчезать. Весна, заграничная бьющая струей жизнь, снова проглянувшее и ласкающее солнышко, молодость, — все это разбудило въ Арсеніи гдѣ-то глубоко таившееся чувство, стремленіе жить, какъ живутъ всѣ другіе люди. Стѣна рухнула, молодой организмъ рвался на свободу.

Прежде чѣмъ вернуться въ свою гостиницу, князь долго бродилъ по улицамъ. Всегда до сихъ поръ сдержанный, дѣлившійся своими мыслями и впечатлѣніями только съ одною Анфисою Матвѣевною, онъ томился теперь невозможностью поговорить съ кѣмъ-нибудь, разсказать о переживаемомъ имъ чувствѣ.

*) Композиторы, сочинители музыкальныхъ произведеній. «Маэстро» — собственно, учитель; такъ прозываютъ вообще выдающихся представителей искусства.

Сканировал redaktorer rutracker.org

Стало темнѣть, городъ заблестѣлъ электричествомъ. Гостомыжскій отправился домой, уставъ отъ безцѣльной ходьбы по улицамъ.

Первою его мыслью, когда онъ вернулся, было написать обо всемъ бабушкѣ, но, приготовивъ бумаги и только отмѣтивъ число, Арсеній положилъ перо въ сторону и задумался. Онъ понялъ невозможность этого сообщенія, всю разницу его прежнихъ писемъ съ тѣмъ, которое онъ предполагалъ сейчасъ написать.

„Бабушка эгоистична въ своей привязанности ко мнѣ, дѣлиться съ кѣмъ-либо мною она не только не захочетъ, но даже постарается все устроить, чтобы этого не было! — пришло на мысль молодому человѣку. — Положимъ, она можетъ думать, предполагать о возможности чего-либо подобнаго, но сообщать ей объ этомъ нельзя", — рѣшилъ Арсеній.

И въ первый разъ въ жизни онъ не подѣлился съ бабушкой своими мыслями, своими впечатлѣніями; письмо не было написано.

VIII.

Утро слѣдующаго дня тянулось для Гостомыжскаго невыносимо долго; онъ нѣсколько разъ брался за газеты, пробовалъ читать, но черезъ минуту-другую бросалъ чтеніе и нервно шагалъ по своей комнатѣ. Колоколъ, призывающій къ завтраку, напомнилъ Арсенію о времени.

Его обычный сосѣдъ за столомъ—испанецъ, маркизъ Рибейра, одинъ изъ атташе посольства, встрѣтилъ Гостомыжскаго шуткой:

— Сегодня, противъ обыкновенія, вы аккуратны; несомнѣнно, аппетитъ — главная причина этого?

Арсеній улыбнулся, ему хотѣлось болтать.

— На этотъ разъ вы ошиблись, маркизъ, аппетитъ мой отсутствуетъ.

Испанецъ пытливо взглянулъ на говорившаго.

— Теперь я понялъ. Это, значитъ, любовь?

Арсеній нервно подался впередъ.

— Отчего вы такъ думаете? — изумленно спросилъ онъ испанца.

— Я читаю это въ вашихъ глазахъ, ваше лицо говоритъ мнѣ объ этомъ; мы, южане, отлично умѣемъ распознавать всѣ признаки этой прилипчивой болѣзни, которой никто до сихъ поръ не избѣжалъ, — засмѣялся маркизъ.

Гостомыжскій покраснѣлъ.

— Не краснѣйте, князь, эта болѣзнь не только простительна, но даже похвальна, въ особенности въ ваши годы.

Арсенію опять, какъ вчера въ ресторанѣ, стало неловко. Онъ уже мысленно слѣдилъ за пытливыми взорами другихъ сидящихъ за столомъ и нетерпѣливо ожидалъ, когда окончится завтракъ.

— А я хотѣлъ предложить вамъ небольшую прогулку въ Ботаническій садъ, — услышалъ онъ снова голосъ испанца. — Вы ничего не имѣете противъ?

Князь, занятый своими мыслями, сконфуженно пробормоталъ, что онъ сегодня очень занятъ.

— Жаль, сегодня чудный день! Ну, что-же дѣлать!—съ сожалѣніемъ проговорилъ испанецъ и поднялся изъ-за стола.

За нимъ поспѣшилъ выдти и Гостомыжскій.

— Какой вы еще неопытный, юный! — прошепталъ ему на-ухо маркизъ, — однако, желаю успѣха.

Арсеній вздохнулъ свободно, вернувшись въ свою комнату. Нетерпѣніе его росло съ каждою минутою. Въ четыре часа онъ вышелъ изъ отеля, но въ ресторанъ у станціи не пошелъ, а, чтобы убить время, сѣлъ на скамейку въ Ботаническомъ саду около цвѣтущей магноліи. Громадные бѣлые цвѣты ея, точно бабочки, при каждомъ порывѣ вѣтра, качались на вѣтвяхъ, тяжелые лепестки ихъ падали на дорожку, устилая ее бѣлою пеленою. Въ саду было нелюдно, только около фонтановъ рѣзвились дѣти. На террасѣ у оранжерей мирно дремали на солнопекѣ два сторожа. Было жарко.

Еще издалека, на лѣстницѣ, замѣтилъ Арсеній испанца, выходящаго изъ зданія оранжереи, и поспѣшилъ скрыться отъ него, не желая съ нимъ встрѣтиться.

(Продолженіе будетъ.)

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ.

На позиціи. (Къ рис. на стр. 609.) Онъ стоитъ на высокой сопкѣ. Далеко-далеко видно съ нея во всѣ стороны, что раскинулось и въ даль, и въ ширь. Пристально всматривается онъ въ это пространство, по которому, какъ муравьи, ползутъ полки за полками. Но это—свои, не вражескіе полки, и сердце воина спокойно. Но стоитъ показаться врагу, какъ съ позиціи загремятъ пушки, завизжитъ картечь, затрещатъ ружейные выстрѣлы, и горе врагу, дерзнувшему выйти на открытую поляну. Зоркій взглядъ съ позиціи тотчасъ замѣтитъ врага и не скрыться уже тогда ему.

Неразлучные друзья. (Къ рис. на стр. 617.) Какъ мило устроилась дѣвочка со своими друзьями! Котенокъ беззаботно играетъ съ цвѣткомъ, а умные глаза собаки устремлены на подругу-хозяйку и ждутъ ласки. Эти три неразлучныхъ друга всегда вмѣстѣ, ничто, кажется, не въ силахъ разъединить ихъ, сидятъ-ли, гуляютъ-ли, они всегда втроемъ, даже спятъ вмѣстѣ. Когда дѣвочка прикурнетъ въ своей постелькѣ, котенокъ укладывается въ ея ногахъ на кроваткѣ, а собачка около на коврѣ. Но, чуть наступитъ день, неразлучные друзья, стряхнувъ съ себя сонъ, весело бѣгутъ рѣзвиться въ садъ, а если погода не позволяетъ этого, то они принимаются за игру въ комнатѣ... неразлучные друзья!

Ранніе цвѣты. (Къ рис. на стр. 623.) Солнышко согрѣло землю. Зазеленѣла та травой-муравой, разукрасилась разноцвѣтными цвѣточками, что выглянули изъ травы и тянутся своими головками къ ласковому и теплому лучу солнца, а то грѣетъ ихъ, эти ранніе цвѣточки, за которыми уже пришла дѣвочка. Она уже набрала цѣлый букетъ и вдыхаетъ въ себя ароматъ всѣхъ весеннихъ цвѣтовъ, которые хотя и не отличаются особенной красотой, но зато такъ душисты, такъ пахучи, что ихъ пріятно держать въ рукахъ и дышать, дышать безъ конца напоеннымъ ихъ ароматомъ воздухомъ.

Прошлое и настоящее. (Къ рис. на стр. 625.) Они встрѣтились, два ветерана, помнящіе блестящую и славную защиту Севастополя. Въ то время генералъ былъ юнымъ прапорщикомъ, а другой—простымъ рядовымъ. Прошли годы, прапорщикъ сталъ генераломъ, а его подчиненный—мирнымъ хлѣбопашцемъ. И вотъ теперь, въ годину испытаній для святой Руси, мужичекъ привелъ къ генералу своего сына, только что вернувшагося съ войны, гдѣ онъ былъ раненъ и получилъ Георгія. Встрѣтились прошлые и настоящій герои русской земли. Пристально всматривается старый генералъ въ лицо юнаго героя и въ глазахъ старика свѣтится радость: «такіе-же,—думается ему,—молодцы, съ такими Русь не пропадетъ. Мы были герои, теперь они, каждому свое время». Прошлое выдвинуло героевъ-богатырей, выдвигаетъ ихъ настоящее, выдвинетъ и будущее.

Пробиваются. (Къ рис. на стр. 633.) Они окружены. Цѣлая дивизія врага окружила полкъ сѣрыхъ героевъ. Многіе изъ нихъ уже пали въ неравномъ бою, но небольшая горсть людей грозно движется впередъ, ощетиня штыки и стрѣляя въ залегшаго врага. Раненый офицеръ со знаменемъ въ рукахъ ведетъ своихъ чудо-богатырей сквозь вражескіе ряды. Горсть храбрецовъ пробивается къ своей арміи. Но пробьется-ли? Еще-бы! развѣ есть что-нибудь невозможное для русскаго солдата? Гордые, какъ львы, медленно подвигаются солдаты впередъ, молча, не торопясь заряжая ружья и стрѣляя въ японцевъ. Они пробиваются и пробьются.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ А. А. Каспари. РЕДАКТОРЪ Ник. А. Каспари.

Дополненіе обыденной суточной пищи
МАЛЫМИ КОЛИЧЕСТВАМИ

Гематогена Д-ра Гоммеля

вызываетъ у
дѣтей всѣхъ возрастовъ и у взрослыхъ
быстрое увеличеніе аппетита,
быстрое поднятіе силъ,
укрѣпленіе нервной системы.

☞ **Гематогенъ Гоммеля весьма пріятенъ на вкусъ и переносится отлично какъ желудкомъ младенца, такъ и желудкомъ старика.**

Слѣдуютъ нѣсколько врачебныхъ отзывовъ:

Прив.-доц. д-ръ медиц. баронъ **Будбергъ въ Юрьевѣ:** „Я неоднократно примѣнялъ Гематогенъ д-ра Гоммеля. **Успѣхъ получился тотчасъ-же** и выражался въ поразительномъ улучшеніи аппетита и пищеваренія и общаго самочувствія малокровныхъ и ослабленныхъ больныхъ. **Изъ всѣхъ употребительныхъ препаратовъ желѣза положительно ни одинъ не въ состояніи соперничать съ Гематогеномъ Гоммеля.** Гематогенъ Гоммеля отнюдь не во всѣхъ случаяхъ анеміи дѣйствуетъ, какъ кроветворное средство, напротивъ, дѣйствуя возбуждающимъ образомъ на аппетитъ и на обмѣнъ веществъ, оно мнѣ давало особенно хорошіе результаты у лицъ раздражительныхъ—нервныхъ. Часто я давалъ Гематогенъ рахитическимъ и ослабленнымъ груднымъ дѣтямъ и получалъ всегда удовлетворительный результатъ. Гематогенъ всегда переносился безъ побочныхъ явленій, свойственныхъ почти всѣмъ другимъ препаратамъ желѣза. Я назначалъ Гематогенъ въ чистомъ видѣ за 1 часъ до ѣды; онъ обладаетъ пріятнымъ вкусомъ и въ чистомъ видѣ лучше возбуждаетъ аппетитъ“.

Б. Ординаторъ Тер. Клиники Императорскаго Варшавск. Университета д-ръ **Вл. Святополкъ-Завадскій въ Варшавѣ:** „Гематогенъ д-ра Гоммеля я многократно примѣнялъ въ дѣтской и женской практикѣ въ случаяхъ малокровія и общей слабости всегда **съ хорошимъ результатомъ.** Желательно было-бы болѣе обширное примѣненіе Гематогена въ начальныхъ стадіяхъ бугорчатки“.

Д-ръ **А. Галай, Одесса:** „Наблюденія мои надъ больными, пользовавшимися Гематогеномъ д-ра Гоммеля, **въ 15 случаяхъ анеміи,** золотухи и англійской болѣзни, преимущественно у дѣтей, привели меня къ заключенію, говорящему безусловно въ пользу этого препарата. Уже со второй, а у нѣкоторыхъ больныхъ съ начала 3-й недѣли начало замѣчаться общее улучшеніе въ состояніи здоровья, аппетита и общаго подъема силъ. **Особенно замѣтно оказывается это явленіе у золотушныхъ дѣтей, страдающихъ общею слабостью и отсутствіемъ аппетита,** причемъ всѣ тѣла даетъ нѣкоторое увеличеніе въ предѣлахъ отъ 1-го до нѣсколькихъ фунт.“.

Ординаторъ Кіево-Кирилловской больницы д-ръ **Яровой, Кіевъ:** „Гематогенъ Гоммеля я примѣнялъ нѣсколько разъ въ случаяхъ рѣзкаго малокровія **послѣ сильныхъ кровотеченій при родахъ и выкидышахъ и результатами примѣненія вполнѣ доволенъ,** наблюдая каждый разъ улучшеніе общаго состоянія и самочувствія больныхъ, принимавшихъ Гематогенъ Гоммеля“.

Дѣйств. ст. совѣтникъ д-ръ **С. С. Соколовъ,** Московской Земледѣльческой школы **въ Москвѣ:** „Гематогенъ Гоммеля я давалъ своей **17-лѣтней дочери,** страдающей малокровіемъ, который произвелъ **чрезвычайно благопріятное дѣйствіе: поправилъ питаніе; она пополнѣла, губы и вѣки покраснѣли, сама стала живѣе и апатія ко** всему окружающему **стала меньше,** равно и силы ея прибавились“.

Старшій ординаторъ Варшавской дѣтской больницы, д-ръ **Альфонсъ Малиновскій, Варшава:** „Гематогенъ д-ра Гоммеля я употреблялъ **съ большою пользою у лицъ ослабленныхъ кровоистеченіями,** у поправляющихся послѣ болѣзней и у неврастениковъ“.

Ординаторъ СПБ. Николаевскаго военнаго госпиталя стат. сов. **Лебедевъ въ С.-Петербургѣ:** „Результатъ наблюденія надъ дѣйствіемъ Гематогена Гоммеля **вполнѣ удаченъ,** онъ воспринимается легко, не вызываетъ запора и другихъ побочныхъ явленій, **питаніе организма подъ вліяніемъ его быстро улучшается**“.

Д-ръ **К. К. Франкенгейзеръ.** Директоръ Евангелич. больницы **въ С.-Петербургѣ:** „Я назначилъ Гематогенъ Гоммеля больной выздоравливающей отъ воспаленія легкаго, **и я остался очень доволенъ результатами этого леченія.** И въ другихъ случаяхъ я неоднократно уже употреблялъ Гематогенъ Гоммеля съ такимъ-же **удовлетворительнымъ результатомъ**“.

Д-ръ **Чайковскій, г. Бѣлгородъ,** Волынск. губ.: „Гематогенъ д-ра Гоммеля оказалъ прекрасное дѣйствіе при общемъ упадкѣ силъ и питанія у 80-лѣтняго старика“.

Завѣдующій Терапевтическимъ Отдѣленіемъ Иверской Общины **В. Н. Штурмъ, въ Москвѣ:** „Гематогенъ Гоммеля былъ мною употребляемъ при леченіи больного терапевтическаго отдѣленія, **купца** 56 лѣтъ, страдавшаго злокачественнымъ малокровіемъ, отеками нижнихъ конечностей и кожи живота и перерожденіемъ стѣнокъ сердца. **Результаты были благопріятные, отеки и одышка рѣзко уменьшились.** Кожа и видимыя слизистыя оболочки сдѣлались изъ блѣдно-желтоватыхъ слегка розоватыми. **Улучшеніе наступило въ теченіе трехъ недѣль**“.

Д-ръ мед. дѣйств. ст. сов. **Моис. Ник. Поповъ, С.-Петербургъ:** „Гематогенъ д-ра Гоммеля я примѣнилъ у двухъ больныхъ съ **упорной затяжной неврастеніей, при отсутствіи аппетита, общемъ упадкѣ питанія и подавленномъ настроеніи духа.**

Отличные и стойкіе результаты обнаружились вскорѣ: **у обоихъ вскорѣ появился аппетитъ, подъемъ расположенія духа, явственное улучшеніе общаго питанія.** Между тѣмъ, передъ этимъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ я съ большимъ смущеніемъ переходилъ отъ одного средства къ другому и все безъ всякаго желаемаго результата.

Старшій врачъ Владикавказск. Кадетскаго Корпуса д-ръ медиц. **Шульцъ, г. Владикавказъ:** „Я примѣнялъ Гематогенъ д-ра Гоммеля при леченіи чистой формы анеміи у 6 лицъ. Наблюденіе мое надъ дѣйствіемъ Гематогена тѣмъ интересно, что у этихъ самыхъ 6 лицъ я примѣнялъ въ прошломъ году различные желѣзные препараты **съ весьма незначительнымъ успѣхомъ,** послѣ-же пріема Гематогена Гоммеля успѣхъ получился весьма хорошій и по прошествіи $1^1/_2$ мѣсяцевъ по прекращеніи пріема Гематогена достигнутый успѣхъ не только держится, но и прогрессируетъ. Одно **изъ замѣтныхъ** дѣйствій Гематогена—**рѣзкое улучшеніе аппетита**“.

Д-ръ **А. Д. Грековъ, г. Мербъ,** заканчиваетъ свой отзывъ слѣдующими строками: „**Благодаря всему вышесказанному, считаю Гематогенъ Гоммеля особенно желательнымъ пріобрѣтеніемъ въ нашихъ краяхъ, гдѣ, благодаря мѣстной маляріи, особенно часто приходится сталкиваться съ малокровіемъ и отсутствіемъ аппетита**“.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ!

Требовать настоятельно Гематогенъ Д-ра Гоммеля
(утвержденный этикетъ: кормящая львица)
И ОТКЛОНЯТЬ ПОДДѢЛКИ.

Имѣется во **всѣхъ аптекахъ и складахъ аптекар. тов.**

Цѣна 1 руб. 60 коп. за бутылку.

Главное депо для Россіи: **Въ С.-Петербургѣ, Больше-Охтенская Аптека,**
Отд. ГЕМАТОГЕНЪ.

НИКОЛАЙ и Комп., въ Цюрихѣ (Швейцарія), въ Ганау на Майнѣ и въ Лондонѣ.

158

Сканировал редуктор
rutracker.org